

— Тебя что-то тревожит, Лина?

Почувствовав скрытую за обманчиво мягким тоном настороженность, Лина поспешно переключила внимание на учителя. Молодой человек, еще не утративший очарования юности, пленительно улыбался. Кто бы поверил, что мальчишка, на две недели исчезнувший в развалинах замка аристократа, вырастет в такого очаровательного мужчину?

— Я вызвал тебя в учительскую, поскольку ты весь день где-то витала, гляжу — и тут творится то же самое, так, черт побери, в чем дело? Официальное извещение еще не получено, но экзаменационная комиссия прибудет из Столицы меньше чем через неделю.

Как и Лина, Лукас Мейер был одним из трех благополучно вернувшихся пропавших детей. Пойдя по стопам отца, он занял престижную должность учителя в Отделе высшего образования деревни и являлся классным руководителем Лины, хотя на деле отдел этот состоял из единственного класса, где числилось меньше пятидесяти учащихся.

— Ну, э... ничего такого... правда.

Лина поправила волосы, изо всех сил стараясь не покраснеть. Даже дикими лошадьми из нее не вытащили бы признание, что она питает симпатию к некоему человеку.

— Надеюсь, — кивнул мистер Мейер и протянул руки к дряхлому атомному очагу. Неожиданно его голос и взгляд стали суровы. — Не забывай, какая ответственность лежит на тебе.

Лина благоговейно молчала.

— Ты — надежда деревни. Когда кончится зима, ты должна использовать свой шанс и уехать. Сама понимаешь, мы все болеем за тебя.

— Да, сэр.

— Так вот, сам по себе тест не должен стать проблемой, но решила ли ты, что будешь изучать в столичной академии? — Тон мистера Мейера изменился. Он знал ответ, поскольку сам помог девушке выбрать сферу науки, но спросил так, словно ничего не знал и не желал знать.

Лина безмолвствовала.

— Математику, не так ли? — Слово прозвучало как предостережение.

— Да, сэр.

— Прекрасно. Значит, ты не имеешь права позволять себе отвлекаться до самого экзамена. Лучше сосредоточься на будущем, — весело подытожил учитель.

Лина тоже улыбнулась. Тут в дверь постучали, и вошла ее одноклассница Харна.

— Что такое? — спросил мистер Мейер.

Лицо девушки пылало, мечтательные глаза остекленели. Мистер Мейер поднялся с кресла. Лина отчего-то насторожилась.

— Тут кое-кто хочет видеть вас. Кое-кто... ну, он очень привлекателен...

Объяснение ничего не сказало учителю. Нахмурившись, мистер Мейер велел Харне впустить

посетителя. Потом перевел взгляд на Лину:

— Будь осторожна по дороге домой. Что-нибудь еще?

— Да нет. Просто погода сегодня хорошая. Стоя у окна, обработанного особым составом, приглушающим слепящее сияние снега, девушка пыталась придумать предлог, чтобы задержаться в комнате.

— Не более чем обычно.

— Здесь грязно. Я могла бы прибраться у вас сегодня.

Однако на лицо мистера Мейера уже легло выражение глубочайшей озабоченности, и Лина подумала: «Проклятие!» В низкий дверной проем шагнула высокая фигура, хотя, казалось, посетитель, входя, ничуть не пригнулся.

Удивленно охнув, Лина удержала слова приветствия, застрявшие где-то глубоко в горле. Наблюдая за ней, мистер Мейер понял причину подозрительного поведения девушки и сообразил, почему она медлила уходить. Отослав Харну, с мечтательным видом застывшую в дверях, учитель осведомился, знаком ли гость с Линой.

— Я имею честь наслаждаться гостеприимством ее дома, — ответил прислонившийся к стене Ди. Преподаватель, которому доверили обучать студентов, не любил посетителей такого рода. — Я — Ди, охотник на вампиров. Полагаю, ты догадываешься, что привело меня сюда.

Мягкие, интеллигентные черты Мейера затвердели, и немудрено. Пригласив гостя присесть, он посмотрел на него так, как смотрел бы на любого посланца, намеренного обнажить мрачные тайны потаенных глубин его сердца.

— Спасибо, нет, — коротко отклонил приглашение Ди. Он отличался немногословием, но эту его манеру мало кто назвал бы грубостью.

— Лина, — настойчиво произнес учитель. Предстоящая беседа не предназначалась для ушей юной девушки.

Бросив на Ди умоляющий взгляд, помрачневшая Лина покинула комнату, разочарованная равнодушием охотника.

Как только дверь закрылась, мистер Мейер с похоронным видом посмотрел на Ди. Кроме них, в помещении никого не было.

— Если ты остановился у Лины, думаю, мэр подробно рассказал тебе все. Честно говоря, мне и самому хотелось бы кое-что выяснить. Если существует какая-то связь между недавними событиями и тем, что стряслось с нами в те покрытые мраком забвения дни нашей юности, я хочу присутствовать при том, как ты отыщешь того, кто — или что — за этим стоит. Да, именно так.

Ди парировал учителя:

— Если ты хоть что-то помнишь из того, что произошло десять лет назад, мне хотелось бы это услышать. Я знаю лишь то, что сообщил мэр.

Ответный кивок учителя свидетельствовал о том, что его напряжение было безосновательным.

— Сожалею, но то, что ты услышал от мэра, вероятно, и есть полная версия. Однажды, десять лет назад, мы играли у подножия холма. Лина сказала, что хочет нарвать цветов и сплести венки, и, помнится, Таджил — паренек, который так и не вернулся, — выступил против этой идеи, мол, ничего интересного. В конце концов нам, мальчишкам, пришлось уступить — даже в столь юном возрасте женщины обладают редкой силой убеждения, — и мы приступили к скучной работе. Я собрал целую охапку и нес букет Лине, а потом...

— Что потом?

— Я шагнул куда-то, сорвал последний цветок и повернулся. И все. Следующее, что я помню: как мы втроем спускаемся с холма и прошли уже полпути. Две недели жизни, как потом выяснилось, стерлись начисто. Ты осведомлен о том, что были испробованы все мыслимые попытки восстановить наши воспоминания?

— Я хочу, чтобы ты взглянул на одну вещь, — сказал Ди, впервые за все это время поменявший место расположения. Приблизившись к крепкому на вид столу, сколоченному из толстых досок, он вынул из подставки — большого обработанного драконьего клыка — ручку: перо гарпии. И вытянул лист из стопки вторично переработанной почтовой бумаги.

— На какую?

— Да так, кое-что для кое-кого неприятное. — Не изменившись в лице, Ди быстро чиркнул по бумаге два раза и сунул листок учителю.

— Что... что это? — непонимающе уставился на охотника мистер Мейер.

— Ничего. Прошу прощения.

Ди скомкал бумагу с начертанным на ней огромным крестом и кинул в корзину для мусора, роль которой выполняла гигантская драконья кость. Бестия таких размеров — это шестьдесят, а то и больше футов непревзойденной свирепости, но ни одна косточка, ни одна жилка не пропадала даром, когда подобная тварь попадала в руки людей. В маленькой деревне вроде этой сельские рассматривают крупных драконов не как угрозу для жизни, а скорее как способ заработать на хлеб насущный.

— С тех пор ты хотя бы один раз поднимался на холм?

— Я — нет. И не обсуждал ничего с Линой.

— Еще одно. Квор Йорштерн сошел с ума. А с тобой не случилось чего-нибудь необычного?

Мистер Мейер с трудом выдавил улыбку.

— Возможно, мои ученики дали бы тебе иной ответ. Я считаю себя обычным человеком, но, если начистоту, я не могу доказать своей непричастности к недавним преступлениям. Живу я один и, возможно, выскальзываю по ночам из дому, сам не подозревая об этом. Совершив злодеяние, я могу уничтожить улики, вернуться в постель и мирно уснуть до утра, а проснуться банальным школьным учителем. Утверждать наверняка, что ничего не делал, я не берусь. Если аристократ, бесчинствующий днем, действительно существует, его жертвы будут обладать теми же физиологическими особенностями, верно?

Ди кивнул.

Считалось естественным, что человек, укушенный вампиром и превратившийся в ночного демона, восстав из мертвых, наследует способности своего «убийцы». Жертва аристократа, наделенного умением обращаться в волка, также может принимать обличье свирепого четвероногого хищника, а вампир, повелевающий дикими животными, приобретет слугу, умело управляющего зверями.

Однако и новорожденный младенец не есть точная копия одного из своих родителей. Существует определенная и очевидная разница в генетически переданных возможностях. Жертва-оборотень вольна оставаться в зверином облике гораздо меньше времени, чем ее господин. К тому же такие физические характеристики, как скорость, сила и регенеративные способности, у нее на несколько порядков ниже. Новообращенные вампиры не становятся истинными аристократами — скорее уж их бледной имитацией.

Что же касается людей, обитающих в подлунном мире, то они считали, что поимка подобного псевдоаристократа дает отличную возможность распознать полную силу настоящей угрозы — истинного вампира. Сто пятьдесят лет назад некий чиновник по имени Саммерс Монтегю, путешествуя по Фронтиру, исследовал несколько сотен подобных случаев, в результате разбив жертв аристократов на несколько классов и приведя точную статистику сил злодеев-вампиров. Широкую известность получил также труд ученого-аристократа Т. Фишера «Методы определения уровня силы аристократов через их жертв и защитные контрмеры» — жители Фронтира передавали фолиант из рук в руки, несмотря на то что столичное революционное правительство книгу запретило.

Однако угроза, которую представлял собой вампир, терроризирующий маленькую деревеньку, обещала добавить новую ужасающую страницу в книгу общеизвестных истин, а точнее, опасность была столь серьезна, что грозила потрясти незыблемые прежде основы людской веры, уничтожив ощущение безопасности, позволявшее людям безмятежно жить при свете солнца. Подумать только — аристократ, бодрствующий днем!

— Мне известно, что у охотников на вампиров имеются собственные методы идентификации и классификации знати, и я готов помогать тебе, не щадя сил. Спрашивай что угодно и делай что хочешь. Видишь ли, я все еще желаю узнать, что произошло там, на холме, — и не меньше, чем ты.

Повода усомниться в искренности учителя не было.

Левая рука Ди потянулась ко лбу Мейера.

Учитель инстинктивно отшатнулся, но тут рука охотника застыла, поскольку раздался стук в дверь и в комнату, не дожидаясь ответа, вошла девочка с золотистыми кудрями. Она несла поднос, представляющий собой простой поперечный срез древесного ствола. На подносе стояла пара железных чашек.

— В чем дело? Если закончила уборку, иди домой.

Пропустив слова мистера Мейера мимо ушей, девушка поставила чашки на стол:

— Вот.

Обращенный к Ди профиль пылал, точно маков цвет.

— Я бы сказал, что твое поведение в качестве хозяйки оставляет желать лучшего, — недовольно заметил мистер Мейер. — Чем обусловлена такая разница в количестве налитого,

а? Полагаю, тебе известно, что деньги на школьный пунш я даю из своего кармана!

Горячего напитка в чашке Ди было втрое больше, чем в чашке учителя.

В деревне, где зимой температура подолгу держалась за отметкой гораздо ниже нуля, не существовало табу относительно употребления алкоголя, в том числе и на занятиях.

— Ну, мм... это все, что было, — промямлила студентка, пожирая Ди влюбленными глазами. — Вы еще тот выпивоха, мистер Мейер! Кроме того, гости являются к нам не так уж и часто, так что мы посовещались, метнули жребий, и я выиграла... Какой симпатичный молодой человек!..

— Довольно нести чушь!

Мистер Мейер поднялся и с брезгливым видом препроводил юную леди к двери, но, едва он рывком распахнул створку, целая лавина не удержавшихся на ногах и попадавших на пол девочек хлынула в учительскую, а глаза преподавателя чуть не выскочили из орбит.

— Что все это значит? Ваше бесстыдство и грубость поразительны! Убирайтесь отсюда сию же минуту! Завтра же зачинщица заговора получит тридцать ударов ремнем!

— Хоть сорок! — воскликнула одна из девушек. — Пожалуйста, позвольте и нам поговорить с ним. Мы хотим услышать о внешнем мире, о Столице.

— Так нечестно, мистер Мейер, — насупилась другая. — Вы сидите тут наедине с этим великолепным представителем мужского рода, и в этом есть что-то жутко подозрительное...

— Он... Эй, да ты никак спятила?

Неудивительно, что, обычно спокойный и сдержанный, мистер Мейер вспылil. Как-никак, он и сам был еще молод. Приказав всем выйти вон, учитель захлопнул дверь перед носом оравы галдящих девиц, которые, стараясь быть вежливыми, требовали у Ди ну хотя бы автограф!..

Учитель, хмурясь, вернулся на место, но в глазах его плясали веселые огоньки.

— Прости за то, что тебе пришлось стать свидетелем подобного безобразия. Надеюсь, ты не обиделся.

Как ни странно, Ди покачал головой. Охотник редко выражал свое мнение открыто. А сейчас даже зловещая аура дампира, обычно излучаемая каждым дюймом его существа, будто поблекла.

Мистер Мейер был достаточно чутким человеком, чтобы уловить перемену в собеседнике, и тон его стал почти фамильярным:

— Видишь ли, путешественники очень редко заглядывают в нашу деревню. Наверное, погодный контролер нашего сектора сломался; на весну и лето мы не жалуемся, но чуть только наступает осень, приходит пора белых мух — снег засыпает все на свете. Не помню, чтобы хоть кто-нибудь из чужаков — торговец или странник — задержался бы у нас зимой дольше чем на пару дней. А для девочек в их возрасте эта деревня поистине безрадостное место.

— Не только эта, — тихо заметил Ди, любясь раскинувшимся за окном лазурным небом. — Все маленькие селения похожи друг на друга. Но весна скоро придет.

— Да, весна придет, но они-то останутся здесь.

До сих пор Ди не замечал, какой у молодого учителя тяжелый, серьезный взгляд.

Деревни Фронтира крохотны и бедны. Даже малое изменение численности населения может обернуться бедствием. Чтобы выживать, собирая скудный урожай с истощенных земель, отражая атаки чудовищ с голодными глазами, требуется сила всех и каждого, вплоть до едва вставшего на ножки младенца. Революционное правительство Столицы неизменно называло Фронтир главным пунктом повестки дня, считая запрет на перемещения жителей области наиболее приемлемой мерой контроля. Так что вдобавок к снегу существовал еще один, невидимый барьер, отъединявший зимнюю деревню от остального мира.

— Есть идея, — заявил учитель, вновь решительно разглядывая Ди. — Если ты еще будешь здесь и у тебя найдется свободная минутка...

— У меня тут работа, — холодно отрезал охотник. — Я завершу ее так быстро, как только смогу, и сразу покину поселение. И точка.

— Ясно, — просто ответил учитель и одним глотком осушил свою чашку. Обиженным он не казался. Учителям крайне редко позволялось переселяться, и многие из них прибегали к алкоголю и галлюциногенам, спасаясь от безысходности будущего и равнодушия настоящего. Однако, несмотря на тяжелую профессию, мистер Мейер все же являлся личностью выдающейся. — Знаю, я возжелал слишком многого. Но пока ты не приступил к исследованию, у меня к тебе одна просьба.

— Какая?

— Не мог бы ты избавить Лину от всего этого?

— Она одна из вернувшихся детей.

— У нее большое будущее.

Брови Ди чуть-чуть изогнулись — и это тоже было весьма необычно. Тем временем учитель продолжил:

— Уверен, ты в курсе, что правительство ежегодно выбирает самого талантливого ребенка из определенной деревни сектора Фронтира, которому повезет продолжить обучение в Столице. На этот раз черед наших мест. Осмелюсь предположить, второго такого шанса может и не быть. А пока можно сказать, что и на нашу улицу пришел праздник: после нескольких месяцев профессиональных тестов кандидатом единодушно признали Лину.

— Понятно.

— Мы простая нищая деревенька, борющаяся за выживание, но девушка — яркая звезда, которой суждено взойти в Столице. Ходят слухи, что правительство, возможно, планирует запустить к другой планете один из кораблей, питаемых галактической энергией. А если так, если ее изберут для чего-то подобного, она действительно может стать звездой в полном смысле слова. Только представь... девчонка из деревни, полгода томящейся под гнетом сумрачной зимы и почитающей скудное летнее солнце благословением, может полететь к звездам! Понимаешь, какую гордость вдохнет в нас ее путешествие, какой это будет стимул для всех?

— Если избранный ребенок вносит такой вклад, деревне должно причитаться вознаграждение. Это я понимаю. — Глаза Ди не отрывались от лица Мейера. — Ты тоже полагаешь, что

служишь интересам деревни?

Неожиданный вопрос сковал учителя, и темная аура вновь распространилась над охотником на вампиров.

— Что?!

Учитель окаменел, ощутив, как глубины его сознания пружинят под жестоким натиском дампера, но тут взгляд его последовал за взором Ди — и мистер Мейер увидел мальчика, ворвавшегося в ворота школы. Лоб паренька блестел от пота, а на руках горели алые пятна.

Учитель понял все мгновенно.

Шагнув следом за уже выскользнувшим за дверь охотником, молодой человек услышал странный, хриплый голос:

— Опять отсрочка? Ну что за день сегодня такой, одна заминка за другой!

* * *

Десятью минутами позже мистер Мейер стремглав бежал по лесу. Ди летел где-то впереди, но его не было видно и слышно.

Утоптанная тропа была суха и пуста, если не считать попадавших время от времени под ноги комьев подтаявшего снега, — бегу охотника ничто не мешало, и скорость он развил нечеловеческую. Доверив перепачканного кровью ребенка одному из преподавателей младших классов, который тоже выскочил во двор, мистер Мейер кинулся за Ди. Охотник, покинувший здание первым, помчался вперед, едва обменявшись с мальчиком парой слов. Тогда учитель отставал от дампера всего-то шагов на десять.

«Сам ветер боится заступить дорогу этому изумительному юноше», — подумал Мейер.

На черной тропе то и дело попадались кровавые пятна — брызги, капавшие с рук паренька, сына егеря, жившего в лесу неподалеку от деревни. Играя с самодельным луком на пути из школы, он нечаянно пустил стрелу в чащу. Стрелу паренек нашел быстро, но, кроме нее, отыскал и еще кое-что. Следующее, что он помнит, как стоит у школьных ворот, сказал мальчик. Девятилетний ребенок даже не представлял, отчего руки его оказались в крови.

Мистер Мейер вгляделся в дебри. На ветвях лежал алый снег. Обнаружив узкую брешь между стволами, учитель нырнул туда.

Тут ноги его окаменели.

Парализованный враждебной энергией, он не успел понять, что происходит. Разум требовал двигаться вперед, но тело противилось изо всех сил. Как-никак, человек — не животное, у которого дух и плоть слиты воедино.

В десяти футах от него стоял Ди.

Еще в шести футах от охотника лицом вниз лежало тело в красных мехах. Судя по длинным, собранным на затылке в хвост волосам, это была женщина. Ничего — и никого! — больше видно не было.

Несмотря на это, учитель отчетливо ощущал, что именно лежащее тело излучает ту самую

лишающую мужества ауру зла, сковавшую его. Неужели Ди тоже оцепенел и не может двинуться? Но нет...

Ди уже вытащил из ножен меч. Поза, в которую встал охотник — острое клинка опущено так низко, что едва не прокалывает носок его правого сапога, — выглядела столь неестественной, что едва ли бы кто-нибудь в здравом уме назвал ее боевой стойкой. Но ведь дело шло не об обычном человеке, но о вампире!

И вдруг учитель заметил нечто, наполнившее радостью его скукожившееся от ужаса сердце. Темная энергия, вихрящаяся вокруг Ди, не касалась охотника.

Он ничуть не боялся ее!

Злая аура оторвалась от тела женщины, пришла в движение и атаковала!

Ди, подобный соколу, взмыл в морозный воздух.

Учитель увидел лишь серебристую вспышку.

Пространство и время скрутились жгутом — по крайней мере так ему показалось.

Что-то скользнуло мимо молодого преподавателя, ворвалось в чащу — и исчезло. Мистер Мейер, очнувшись, подбежал к Ди, уже стоявшему возле женщины. Чары рассеялись, лишь спокойный холодный воздух обнимал пространство. Даже птицы вновь зачирикали где-то в вышине.

Опустившись рядом с неподвижным телом на одно колено, Ди по-прежнему бесстрастно пощупал пульс жертвы. Он даже не взглянул туда, куда унеслось злое существо, чем бы оно ни было. Меч-«бастард» уже скрылся в ножнах. Учитель чувствовал себя так, словно ему довелось понаблюдать за совершенно иной формой жизни. Юноша-чужак был прекрасен настолько, что и мужчина мог бы впасть в экстаз, и тем не менее охотник казался учителю куда страшнее твари, излучавшей энергию чистой злобы.

Опустив руку женщины на землю, Ди поднялся. Учитель поинтересовался, не ранен ли охотник, но тот покачал головой.

— Кажется, мы прибыли как раз вовремя.

Облегчение разлилось в груди Мейера.

— Думаешь, это существо — именно то, что ты ищешь? — с надеждой спросил он, но ответ вынудил учителя нахмуриться.

— Нет. Судя по температуре тела и подсохшей крови, на женщину напали утром. Более того, отвратная тварь, только что улепетнувшая отсюда, не оставила на горле жертвы следов зубов. Кажется, я наткнулся на нее в тот момент, когда она только-только нашла тропу.

— Но что это за адская мразь?

— Не знаю. Но встречаюсь с ней уже во второй раз.

— Что?

— Не важно. Эта женщина — ты с ней, случайно, не знаком?

Наконец-то мистер Мейер получил возможность принести хоть какую-то пользу делу. Он перевернул девушку, на шее которой запеклись два коричневатых ручейка, на спину, взглянул на валяющуюся неподалеку маленькую корзинку и кивнул.

— Она замужем за местным фермером, по фамилии Кайзер. Должно быть, собирала тут алюминиевые соцветия для снадобий, когда на нее набросились.

— А где находился ты сегодня утром? Впрочем, отвечать необязательно. Скоро мы обнаружим виновника.

— Правда?

— Судя по ранам, кто бы ни напал на нее, он принадлежит к существам, которые привязываются к жертве. Он, вероятно, придет за ней ночью. Я буду дежурить. Если же никто не явится...

Ужаснувшись как сказанному, так и несказанному, молодой учитель спросил упавшим голосом:

— То что?

— Тогда это должен быть кто-то, кому известно о том, что я здесь. Школьники, видевшие меня, не осведомлены о роде моих занятий, так что остаются мэр, Квор, Лина... и ты.

Хотя дело близилось к весне, лицо мистера Мейера превратилось в белую маску покойника.

* * *

Спустя некоторое время спешно прибывшие на прогалину шериф и мэр после недолгого и формального обследования унесли тело жены Кайзера. Шериф оглядел Ди с подозрением, но ничего не сказал. Охотник в свою очередь ни словом не обмолвился о невидимой твари.

Вскоре Ди оставили в одиночестве, и тогда он обратился к своей левой ладони:

— В какой ты форме?

— В не очень хорошей, чего и следовало ожидать, — ответил изнуренный голос. — Потратил чертовски много психосока в один присест. Мне необходимо еще четыре, а то и пять дней, чтобы очухаться. Если хочешь, чтобы я забрался поглубже в мозги всем троим вернувшимся, то с этим полный облом. Мне не проникнуть в их подсознание, даже в верхние слои сознания, коли уж на то пошло.

— Да, проблема.

— Между прочим, сам виноват — вечно помыкаешь мной, как рабом. Придется тебе не сегодня завтра скормить мне большую четверку.

— Как насчет немедленно? Не потому ли ты околачиваешься поблизости?

— Хм... пожалуй, сперва я чуток вздремну.

— Хорошо.

Когда странный диалог завершился, Ди покинул сцену, на которой еще недавно давали

трагедию. Зимнее солнце пока что стояло высоко, и охотник старался держаться в тени. Поразительно, но на его великолепном лице не было и тени усталости.

Независимо от погоды, в дневные часы тело любых потомков вампиров жаждало отдыха на уровне базовой физиологии. Если существовала простая необходимость оставаться в сознании, они могли бодрствовать часов по восемь, прячась там, куда не проникают слепящие лучи. Но, вынужденные передвигаться под солнцем, уже после четырех часов они впадали в состояние, близкое к коме. Первокласные охотники на вампиров выдерживали до пяти-шести часов дневной активности. Их изнеможение ничуть не походило на ощущения человека, проработавшего всю ночь, и только из-за этой основополагающей слабости охотников горячее желание людей искоренить всех аристократов оставалось невыполнимым.

У опушки леса Ди резко остановился. Он увидел повозку, а в ней Лину, поджидавшую его. Ди молча сел рядом с девушкой на облучок, и повозка тронулась.

Немного погодя охотник заговорил:

— Если ты направляешься домой, то ошиблась дорогой.

— Ерунда. К тому же мы едем в самое веселое место в деревне.

Вскоре повозка миновала околицу села, выехала на большак и остановилась у крохотной, обращенной к дороге будочки. Под навесом, высываясь из наметенных за зиму сугробов, стояла крепкая, но грубая на вид деревянная скамья.

— Автобусная остановка, — весело объявила Лина. — Единственная в городе. Зимы у нас непроезжие, но еще пять дней — и пойдет электрический автобус. Тем же утром я стану первой его пассажиркой — и уберусь отсюда восояси.

— Кажется, ты отправляешься в Столицу.

— Ты не рад за меня?!

Блестящие черные зрачки уставились прямо на охотника, и Ди незаметно поежился.

— Ты действительно странная девочка. Почему ты так сказала?

— Откуда мне знать?

Ди явно пребывал в недоумении.

— Просто шутка, — терпеливо, как сестра, растолковывающая секрет очередного фокуса младшему братишке, объяснила Лина.

Ди молчал. Беспощадный воин, вызывавший дрожь у кровожадных аристократов, оказался в полной власти девчонки, которой только-только сравнялось семнадцать. И поделаться он ничего не мог. Если бы мистер Мейер или деревенский мэр увидели его сейчас и заметили, как постепенно затухает то сверхъестественно-неземное, что составляло самую суть дампера, их выпученные глаза просто вылезли бы из орбит.

— Эй, почему ты не улыбаешься? От смеха еще никто не умирал!

И снова Ди не нашелся с ответом. Эта юная леди воистину тяжкое испытание.

— Но плакать-то ты плачешь, а? Времена нынче трудные, и выпало тебе немало, точно? Мне, по крайней мере, так кажется.

С некоторым трудом Ди все же выдавил:

— Да.

Вдруг Лина стала очень серьезна:

— Ты как-то связан с аристократами, верно? Молчи, молчи, я просто знаю. Мэр ничего мне не сказал, но даже птицы избегают тебя. И еще, смотри! Ты ходишь нормально, ступаешь, как обычный человек, но твои следы на снегу и на тротуаре не так глубоки, как мои. И потом, там, в развалинах...

Лина осеклась.

— Что в развалинах?

Глядя в поблескивающие, как ограненный лед, глаза охотника, Лина осознала, что щеки ее вдруг налились жаром. Она как будто впервые увидела, что стоящий перед ней молодой человек такой красавец, что волосы дыбом становятся.

— Я спряталась за тобой, помнишь? — Голос девушки подрагивал от смущения. — Когда я впервые увидела тебя, то была жутко напугана, но, едва ты заговорил, страх как рукой сняло. «Остановить время невозможно, но будьте добры, проявите уважение к утраченному», — сказал ты тогда, и прозвучало это так печально...

Юная леди, должно быть, слышала эхо из иного мира — эхо, не слышное больше никому.

— У тебя отличный слух и прекрасная память, — оглядывая дорогу, произнес Ди самым обычным тоном. — Скоро солнце сядет, так что поехали. Демон уже готовится нанести очередной визит утренней жертве.

— Эй! — Возглас Лины совершенно не соответствовал ситуации, к тому же она со значением подтолкнула Ди локтем. — А что, если ты закончишь свою работу за пять дней и сможешь из деревни вместе со мной? Меня впереди ждет чертовски светлое будущее.

— Возможно. А теперь — едем.

Ди взял вожжи. Украдкой бросая взгляды на точеный профиль дампира, Лина шаловливо усмехнулась:

— Не желаешь и на минуту расстаться со своим вечно хмурым видом, о угрюмец, постоянно-ожидающий-неприятностей? Давай-ка я предскажу тебе кое-что?

— Предскажешь?

То ли зная наверняка, как сверкнули глаза Ди, то ли догадываясь, Лина манерно зажмурилась и зашмыгала носом, словно принимаясь.

— Точно. Я, видишь ли, почти никогда не ошибаюсь. Итак, посмотрим... ага, есть! — И, глядя на гордый профиль охотника, девушка проговорила нараспев, имитируя транс: — Покидая наш городок, ты определенно будешь улыбаться.

* * *

Восемь персон окружили одну кровать.

Здесь были шериф и мэр, мистер Мейер и Лина, три дюжих представителя Комитета бдительности и поодаль от всех прислонившийся к стене Ди.

— Этого Квора, что, еще не поймали? — спросил шерифа пребывающий в весьма скверном настроении мэр, а шериф в свою очередь посмотрел на широкоплечего детину по имени Ферн, возглавлявшего местное подразделение комитета.

— Ну, он не отсиживается, как обычно, в своей крысиной норе, — доложил Ферн. — Но мы подняли весь комитет и всю Дружину юнцов, так что, полагаю, Квора вот-вот поймают.

— Если он будет на виду, а вампир появится, то никаких сомнений насчет нашей троицы не останется. Правильно? — Мэр бросил взгляд в сторону Лины и мистера Мейера.

Ферн кивнул, соглашаясь, и оглянулся на Ди. В зрачках Ферна водоворотом вихрилась слепящая ненависть. Он, должно быть, слышал о двух стычках дампира с Хейгом и дружинниками.

— Час визита близится. Вам всем придется перейти в другую комнату.

Все, за исключением представителей комитета, поднялись, выполняя просьбу Ди. Студеный взгляд охотника задержался на прочих, и хотя они старательно отводили глаза, судя по тому, как резко они вскочили со стульев, следовало предположить, что им порядком подморозило задницы.

— Мы приглядим за этими двумя, можешь на нас рассчитывать. Но уверен ли ты, что с тобой самим все будет в порядке? — Шериф явно боялся, что, если Ди вдруг потерпит поражение, проклятие немертвого падет не только на уже состоявшуюся жертву, но и на многих-многих других.

То, что произошло с женой Кайзера, на самом деле значения не имело. В каждой деревне с жертвами вампиров обходились по-разному, здесь же их попросту незамедлительно изгоняли прочь, подальше от поселения. Муж женщины находился сейчас в соседней деревне, но он подчинялся тем же законам.

Однако новоявленный охотник на вампиров планировал воспользоваться женщиной как приманкой для демона. Более того, он не желал, чтобы пропавшая некогда троица сидела в той же комнате, но попросил, чтобы они ждали поблизости.

Если бы не поддержка мэра, шериф наверняка воспротивился бы. В прошлом немало подобных прожектов провалилось, и жертвами мерзких клыков стали не только сидящие в засаде — вампиру доставались целые деревни. Кроме того, шериф получал жалованье из самой Столицы: эта сумма впятеро превышала доход обычного селянина. Так что он не собирался перепоручать свои обязанности кому-то другому.

— Доверься мне, парень. — Мэр хлопнул шерифа по плечу. — В конце концов, я просто нанял человека на разовую работу.

Подумав про себя: «Ты, болван, нанял охотника», шериф тем не менее молча ушел в смежное помещение и увел туда всех.

Едва щелкнул замок, Ди поднял правую руку, сложив пальцы так, что получилась своеобразная дудочка, и, приставив этот неплотный кулак к губам, нацелил отверстие на стоявшую на столе лампу. Охотник дунул — и огонь, горевший в ней, потух. Комната погрузилась в кромешную тьму.

Низкие тучи заслоняли этой зловещей ночью луну, зимняя буря — непостижимо, ведь весна наступит вот-вот! — билась в дребезжащие стекла.

Лежавшая на кровати женщина была той самой, на которую напали утром. Все это время она не приходила в сознание. С приближением ночи кожа ее утратила розоватый оттенок; сейчас неподвижное лицо обрело восковую, гляцевую белизну. Во мраке, не нарушаемом ни единой искрой света, Ди различал даже, как бледнеют кровеносные сосуды на женских щеках.

Внезапно он рванулся к окну.

За стеклом безумолчно завывал ветер, но уши Ди, должно быть, уловили еще какой-то звук.

Взгляд его метнулся к постели.

Из ран, известных как поцелуй аристократа, медленно струились по шее женщины два алых ручейка.

Напряжение не отпускало, точно натянули незримую тетиву.

Нечто агатово-черное прижалось к стеклу с той стороны. Расплющенное лицо вглядывалось в комнату, ухмыляясь так, как не ухмыляется никто в этом мире.

Зашуршав, вспорхнуло в воздух одеяло. Ди смотрел на дверь, отделяющую эту комнату от смежной. Именно к ней двигалась женщина с горящими красными углями-глазами. Хозяин призвал слугу.

Вампиры способны приманить жертву, даже не видя ее, направляя бессознательного человека исключительно силой своей воли. Уловка эта широко распространена. Однако обычно укушенный уходит через окно. Не станет же вампир вести жертву через весь дом к парадной двери, где вполне можно наткнуться на других людей. И что за зловещая фигура маячит за окном? Неужели отвлекает внимание?

Женщина отступила на шаг, готовясь таранить дверь. Ди ринулся к ней. В тот же миг раздался пронзительный визг, окно с дребезгом рассыпалось миллионом осколков и в комнату ворвался порыв ветра.

В соседней комнате закричали.

Ди слышал и улавливал все нюансы происходившего. Еще до того, как тело женщины обрушилось на дверь, нечто, пребывающее на той стороне, заставило доски податься наружу. Шурупы, удерживающие петли, вылетели из стены. Прокатилась ударная волна, и на пол, втыкаясь в него, полетели щепки — все, что осталось от двери. И совершенно беззвучно!

Укушенная женщина застыла в углу. Ее крик заглушила тень черного плаща. Едва дверь разлетелась, Ди подхватил женщину под мышки и отпрыгнул в безопасное место — а ведь дерево расщепилось на куски меньше чем за секунду. Нечеловеческое проворство, что и говорить.

Похоже, Ди в третий раз встретился с загадочным нечто.

Тварь, ищущая противника, яростно, оглушительно взвыла, и комнату качнуло от звуковых колебаний. Как ни странно, Ди даже различил силуэт существа.

Голова создания была повернута к охотнику и женщине.

Исходящее злобой четвероногое существо решительно ринулось вперед.

Мельком глянув на жертву, лежавшую у стены без движения, Ди выхватил меч — и далее последовала неожиданная развязка.

С воплем, отозвавшимся за окном громовым эхом, сгусток злобы исчез бесследно. Лишь ночной ветер по-прежнему рычал во тьме да Ди стоял в полном замешательстве.

Это было неправильно. Немыслимо, чтобы столь свирепая аура так легко рассеялась и исчезла. Ее фрагменты — ну хотя бы остаточная энергия — должны были висеть в пространстве полупрозрачными, как сгустки пара, лохмотьями. Но в комнате не наблюдалось ни малейших признаков чего-либо подобного. Видимо, оставалось только убедить себя, что никакой потусторонней твари изначально не существовало.

Вместо того чтобы размышлять о несообразности случившегося, Ди приступил к действиям. Окинув взглядом дверной проем и тело женщины, он нырнул в окно.

Источник недавних криков лежал тут же на земле. Охотник перекатил тело на спину, но и без того было ясно, что это Квор. Грудь парня слабо поднималась и опускалась под изодранной одеждой. Ни крови, ни ран не было, но весь этот здоровяк как будто усох и скукожился. Щеки впали так, что кожа туго обтянула выпятившиеся скулы. Из великана грубо вырвали самую сущность жизни.

Ди собрался было поднять несчастного безумца, но неожиданное зрелище заставило его срочно вернуться в комнату.

Пепельно-серая фигура прильнула к женщине: порождение тьмы, полностью закутанное в темные же одеяния. Грубый шарф прикрывает лицо, видны лишь кроваво-красные глаза, пристально уставившиеся на Ди. Женщина не шевелится. Выражение неземного удовольствия застыло на ее восковых чертах, пышные обнаженные груди расплющились, придавленные телом сумеречного существа. Мягкие, податливые бедра тоже оголены, и сейчас они обвивают ноги чужака. Насильник и жертва слились воедино в фигуру, восславляющую порок.

Охотник не стал медлить и разглядывать клыки, обнажившиеся во рту омерзительной твари, — вот она шумно лакает кровь несчастной жертвы, прикинув к ее раненой шее, а вот уже и серебряная молния летит из правой руки Ди!

Пять деревянных игл с треском вошли в стену, и окровавленные губы чужака скривились в ухмылке. Тварь не разжала смертельных объятий, она избежала атаки охотника, не шевельнув и мускулом.

Ди оторвался от пола.

Тело женщины взлетело в воздух, но Ди уклонился от него, не потеряв даже сотой доли секунды. Серебряный сполох вспорол рукав пепельного плаща, и Ди с чужаком поменялись местами.

Мерзостная атмосфера запустения и тоски повисла в комнате.

Давно уже охотнику не встречался достойный противник. В любой битве основными определяющими факторами являются, во-первых, скорость и, во-вторых, сила. По крайней мере в том, что касается скорости, сумеречная фигура не отставала от Ди.

Однако...

Из горла существа вырвался звук, который даже по ошибке никто не соотнес бы с человеческим голосом, — это был стон, как если бы умел стонать стылый зимний ветер.

Точно черная краска выплеснулась на черный шарф твари, запятнав его сверху донизу. Рассеченная ткань опала в стороны — это поработал клинок Ди, который на деле должен был разрубить тело противника надвое. Но чужак, не теряя ни мига, заслонил лицо ладонью и выпрыгнул в окно.

Ди кинулся следом.

Расстояние между преследователем и беглецом не сокращалось.

Молнией сверкнуло серебряное лезвие!

Однако меч незнакомца уверенно парировал клинок Ди. Тонко запела сталь. Два противника, точно искры из костра, разлетелись в стороны.

Едва они приземлились, пространство между ними зазвенело: иглы Ди на лету сбивали железных ежей, посылаемых сумеречной тварью.

Эти ежи представляли собой шары из острейших шипов, торчащих во все стороны. Обычно их рассыпали по земле егеря или охотники, специализировавшиеся на созданиях, что передвигаются по земле на своих двоих или четырех, а то и шести. Обладая определенной сноровкой, ежами можно было пользоваться и как метательными снарядами. Иной умелец швырял по три шара в секунду, с тридцати шагов попадая точно «в яблочко». В сочетании же с ужасающей силой, свойственной аристократам, такие ежи по убойной силе не уступали крупнокалиберному ружью — оружию, славному способностью пробивать броню крупных драконов.

Алый мазок остался на левой щеке Ди.

Но и сумеречная фигура, ранившая охотника, потеряла в скорости. Луна, наконец-то выглянувшая из-под облачной завесы, открыла новый факт: на левой руке незнакомца, все так же прижатой к лицу, не доставало большого пальца — клинок Ди отсек его у самого основания.

Противники держали мечи на уровне глаз — в лучших традициях азиатских фехтовальщиков. Готовясь к бою, ни один не двигался.

Выл, оплакивая скорую и неминуемую кончину зимы, ветер. Никто не взялся бы предсказать, сколько продлится битва между сверхчеловеком и его демоническим соперником.

Звук выстрела положил конец этой дуэли.

Ди покачнулся. Напряжение исчезло в единый миг: готовая к выпадку сумеречная фигура замерла, а секундой позже взмыла в воздух, перемахнув через кирпичную стену, и

растворилась во тьме со скоростью, посрамившей бы самый ветер.

Демон вряд ли испугался выстрела, только что проделавшего в теле Ди парочку дыр, зато он ясно увидел, как дампир, грудь которого прошили крупнокалиберные пули, не только устоял на месте, но и не позволил дрогнуть даже кончику своего меча.

Особенно сильный порыв вихря разметал в клочья остаточную энергию врага, и Ди, прочертив лезвием серебристую дугу, убрал меч в ножны. Справа на его плаще темнела широкая прореха, точно пораженная мишень, но утонченное лицо дампира не выражало ни малейших эмоций.

Из дома неслись сердитые крики. Обвиняющие голоса Лины и мэра мешались с бурными протестами шерифа, твердившего, что промахнулся он по чистой случайности.

Ди подошел к обмякшему телу Квора и без всяких усилий поднял парня с земли. Большинство охотников никогда — ну разве что в случае крайней необходимости — не обременяли руку, в которой держат меч, чем-либо, кроме оружия, но Ди, похоже, игнорировал этот обычай.

— Погоня бессмысленна, — сказал он, остановив шерифа, пытавшегося вылезти из окна. — Что с женщиной?

— Она еще жива, — ответила Лина, сидевшая рядом с жертвой.

Бесшумный прыжок перенес Ди обратно в комнату.

— Уложите Квора в постель.

— Тебя не задело? — поинтересовался шериф, попеременно оглядывая то собственный пистолет, то Ди.

Не отвечая, охотник поручил заботу о Кворе Лине.

— Ди, да у тебя кровь!

— Это скоро пройдет. Что произошло?

— Не знаю. — Покачав головой, Лина посмотрела на шерифа. Он был невредим, хотя на лбу мэра набухла огромная шишка. — Что-то случилось, это точно — нас всех вдруг оторвало от земли, приподняло — раз! — и мы уже падаем на пол вверх тормашками. Уж поверь мне, я жутко хочу узнать, какого черта тут творится!

— А мистер Мейер?

— Здесь я... — Тяжело дышавший учитель сидел на корточках у порога разлетевшейся двери. Щеки его были исцарапаны, но, судя по тому, как он потирал затылок, основные повреждения были там. — По крайней мере это должно избавить от дальнейших подозрений нас с Линой, — просипел он, и вдруг глаза его расширились: учитель увидел Квора.

Троица из Комитета бдительности, едва ковыляя и пошатываясь при ходьбе, двинулась к ним, и во всеобщей неразберихе совершенно потерялась невозмутимая реплика Ди:

— Ну вот, дело наконец проясняется, не так ли?

<http://tl.rulate.ru/book/51824/1792147>